

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Л. В. ЛАНДИНА

ПРОБЛЕМА АБСОЛЮТИЗМА В КОНЦЕПЦИИ Н.А. РОЖКОВА КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье проводится анализ трактовки Н.А. Рожковым проблемы абсолютизма. Путем выявления различных концептуальных составляющих в интерпретации Рожкова демонстрируется методологический поиск в российской историографии начала XX века, а также рецепция данным автором и степень принятия советскими историками разных теоретических подходов.

Ключевые слова: *Н.А. Рожков, позитивизм, марксизм, российская историография, методология, абсолютизм, самодержавие*

Начало XX столетия в российской историографии характеризовалось методологическим плюрализмом и нарастающими кризисными явлениями: приток эмпирического материала и теоретических исследований, выход в европейское пространство, узость позитивистской парадигмы и набирающий силу марксизм были знаковыми явлениями времени. Такие условия диктовали необходимость концептуального поиска с целью более адекватного осмысления как прошлого, так и настоящего. Мощный импульс для исторической мысли дали две российских революции. Превращение российской абсолютной монархии в конституционную в 1905 г., а затем ее упразднение в 1917 г. активизировали изучение государственных институтов – российских и западноевропейских. Последствия Первой мировой войны и Революции вызвали шок и переосмысление не только истории и современности, но и самого труда историка [Тарле 1922]. Поднятые Е.В. Тарле проблемы актуальны до сих пор – возрастание массы информации и устаревание научных работ, тесные рамки схем и соотнесение общего и единичного, повышение требовательности к исследованиям и осознание несовершенства подходов историка, который, будучи очевидцем социальных и военных катаклизмов, тем не менее, затрудняется в их понимании. Наконец, не было ли пережито историками постсоветской эпохи то, о чем сказал Тарле:

«Революция – всегда прежде всего смерть, а уж потом жизнь. Вот почему с каждым катаклизмом гибнет очень много старых фантомов и лжи. Тут же немедленно рождаются, конечно, новые, – но, во всяком случае, процесс отрезвления от старых фантазмагорий способен пошатнуть наиболее крепкую умственную самоуверенность. И в этот-то опасный период утраты веры в правильности целого ряда своих былых суждений, историки, пережившие катаклизм, подвергаются новым и сильным искушениям... А главное, наблюдаешь все ничтожество исторического значения рационального начала, всю особую, не-человеческую, а какую-то иную, неодолимую логику... Государ-

ства, казавшиеся вечными, разлетаются в куски, государственная культура оказывается ничтожной пленкою, первозданный хаос охватывает и топит скорлупу, которая только что представлялась несокрушимым и величавым ковчегом» [Тарле 1922: 13-15].

Свидетелем и участником событий этой неоднозначной эпохи был Николай Александрович Рожков (1868–1927) – историк, социолог, общественный деятель, научное наследие которого отразило сложность названных процессов. Созданная им «Русская история в сравнительно-историческом освещении» (12 т.) – уникальный для советской историографии опыт единоличного создания обобщающего нарратива на основе компаративного метода. Тем не менее, для Н.А. Рожкова положительных оценок в советской историографии не нашлось, в ней лейтмотивом звучало следующее: Рожков считал себя марксистом, но на деле им не был, а являлся «представителем мелкобуржуазной идеологии», выдвинувшим на первый план «вульгарно-экономический фактор, механистически понимаемый вне рассмотрения базиса и надстройки» [Очерки истории СССР. 1955: 25]. Н.Л. Рубинштейн в «Русской историографии» (1941)¹, утверждал, что научная мысль Рожкова «осталась до конца на буржуазных позициях» [Рубинштейн 2008: 660]. В «Очерках истории исторической науки в СССР», опубликованных уже в период устоявшегося идеологического канона и сглаженных трактовок, Рожков характеризуется, опять же по Ленину, как человек, заучивший положения марксизма, но не усвоивший их². Он, эклектик, отождествляет марксизм с экономическим материализмом, не понимает процесса смены формаций, оценивает характер Октябрьской революции с меньшевистских позиций [Т. 4: 170–172]. В постсоветское время научное наследие Рожкова стало рассматриваться непредвзято, с новым пониманием такого явления, как кризис в исторической науке [Андреева 1995: 7]. Были раскрыты причины его неприятия советской исторической наукой. Политические причины заключались в том, что Рожков, будучи в годы Первой русской революции большевиком, стал видной фигурой в меньшевистской партии. А в научном плане историко-социологическая концепция Рожкова противоречила утвердившейся в советской историографии схеме исторического процесса [Волобуев 2012: 7].

¹ Во время кампании по борьбе с космополитизмом в 1949 г. Н.Л. Рубинштейн был подвергнут резкой критике за то, что в «Русской историографии» «последовательно проводил взгляды буржуазного космополитизма, преклонения перед иностранцами и отрицал самостоятельный характер русской исторической науки» (Рубинштейн 2008: lxxxvii). Более того, обстоятельства сложились так, что «Русскую историографию» «вынуждены были подвергать критике те же ученые, которые 8-9 лет назад давали на нее положительные и весьма хвалебные отзывы» (там же: lxxxiv).

² Рожков сформировался как историк под влиянием народничества, марксизма и позитивизма, учился в Московском университете у В.О. Ключевского, в 1905 г. вступил в РСДРП [Волобуев 2010].

Между тем, российская историческая мысль начала XX в. была идейно и концептуально разнообразна. Лидировали «русская школа» всеобщей истории и государственная школа истории России, сосуществовали позитивистская, неокантианская, марксистская парадигмы, причем марксизм – в версиях В.И. Ленина, Г.В. Плеханова, А.А. Богданова, Н.А. Рожкова, Л.Д. Троцкого, М.Н. Покровского, но на рубеже веков это еще не было поводом для политических обвинений.

В настоящей статье анализируется трактовка Рожковым проблемы абсолютизма. Это предусматривает не только выявление в нем различных концептуальных составляющих, но и оценку их приемлемости для советской историографии. В ее проблемном поле абсолютная монархия рассматривалась как один из краеугольных факторов развития новоевропейского общества и предпосылка буржуазных революций. Еще важнее для советских историков было исследование российского абсолютизма – его возникновения, специфики и факторов крушения.

В научно-популярной работе «От самовластия к народовластию. Очерк из истории Англии, Франции и Германии» (издана в 1908, а затем в 1923 г.) он сформулировал общее для всех историков научное кредо: во-первых, это польза истории, знание которой позволит «открыть законы развития человеческого общества... чтобы людям жилось хорошо»; во-вторых, это гносеологический и социальный оптимизм; и, в-третьих, общий для либералов и марксистов европоцентризм: выделение «главных» европейских народов и необходимость России учиться у Европы [Рожков 1908: 4]. Эта работ, основанная одновременно на идеях либеральной «русской школы» и экономическом монизме, демонстрирует переход к теории «торгового капитала», которая станет доминирующей в 1920-х гг. В соответствии с экономическим монизмом, Рожков считает, что «главной причиной всех перемен в народной жизни является хозяйство» [там же: 9]. Поворотным моментом в развитии Англии, Франции и Германии был переход от переложного земледелия к трехпольному. В условиях сокращения свободных земель это привело к закреплению за постоянным собственником земли и рабочей силы. Бенефиций превратился в феодал с крепостными, появились вассальные отношения. В XI в. феодал стал самостоятельным государством [там же: 9-11]. Понимание феодализма как феодального партикуляризма, где власть расплывлена, а король – лишь первый среди равных, присуще и либеральным историкам. Можно вспомнить слова Н.И. Кареева о том, что процесс феодализации разложил государство [Кареев 1908. С. 35]. Сюжет о разложении натурального хозяйства и формировании рынка показывает «точку схождения» трактовок историков разной идейной направленности. Так, Рожков, утверждает, что развивающаяся экономика возвысила новый класс купцов и ремесленников. Соответственно, у дворян-владельцев феодалов появился соперник – класс горо-

жан [Рожков 1908. С. 12-13]. А несколькими годами ранее один из его коллег писал: «Разложение феодализма начинается как раз с его социально-экономических устоев... Развитие денежного хозяйства на счет натурального... рост торговли и промышленности... создает новый... городской класс – буржуазию... сосредоточивающий в своих руках новую силу: денежный капитал» [Ардашев 1902. С. 13, 15]. Хотя автор этих слов П.Н. Ардашев – отнюдь не марксист, а либерал, выдвигающий на первое место в формировании абсолютизма правовые факторы.

Предлагаемая Рожковым периодизация истории еще раз демонстрирует экономический детерминизм. Сначала «господствует натуральное хозяйство и в то же время утверждался феодализм. Затем, когда появилось денежное хозяйство, сначала развивается торговля, рассчитанная на небольшой местный рынок, образовывались сословия, слагались государства под властью монархов. Потом развивалась крупная торговля, рассчитанная на мировой рынок, и тогда крепла самодержавная власть государей» [Рожков 1908. С. 241]. Данную периодизацию иллюстрирует пример Англии, где XVI–XVIII вв. определяются как период абсолютизма, время товарного хозяйства с обширным рынком, когда при господстве земледелия появляются «маленькие фабрики, где... работа производилась ручным способом (т.е. мануфактуры – Л.Л.)» [там же: 74–75]. История Англии, Франции и Германии представлена по схеме «хозяйство – социальная структура – государство – общественная мысль». Нужно отметить, что именно такой алгоритм изложения впоследствии будет принят в работах советских историков.

Рожков предлагает определения сословий и классов, принятые затем советской историографией: «Если отдельные части общества... отличаются по правам и обязанностям, то эти части называются сословиями... Если же отдельные части общества... отличаются по своему положению в хозяйстве, то они называются классами» [там же: 24, 25]. Формирование классов он связывает именно с денежным хозяйством, которое требует предприимчивости, свободы распоряжения капиталами и землей, мобильности – того, что сословное общество обеспечить не может ввиду отсутствия гражданских свобод [там же: 197–198].

В государствах, описанных Рожковым, есть и классы, и сословия, но в разном сочетании. В Англии существуют классы – купцы и фабриканты и наемные рабочие, и сословия – дворяне, горожане, духовенство, крестьяне. Здесь превалируют сословные отношения, так как «денежное хозяйство не достигло еще очень большого значения» [там же: 25]. Во Франции господствует гораздо более сильный, чем в Англии сословный «старый порядок» [там же: 90–97]. В германских землях Рожков, напротив, делает акцент на классах, несмотря на наличие сословности, преодолеваемой в ряде случаев реформами «сверху» [там же: 198–201]. Ввиду успехов «денежного хозяйства», классы были во

всех землях, но на севере и востоке они только наметились, а на юге и западе были выражены гораздо резче [там же: 197].

Какая же политическая оболочка покрывала эти экономики и общества? Это абсолютная монархия: «единая огромная государственная власть – власть самодержавных королей, которые объединяли всю страну, укрепляли торговлю, делали возможным широкий сбыт товаров» [там же: 97–98]. Это «самодержавие английских королей» [там же: 31], «самодержавная власть французских королей» [там же: 98] и «абсолютизм, неограниченное самодержавие монарха, превращавшееся на деле в самодержавие чиновников» [там же: 202] в Германии. Характеризуя абсолютизм в этих странах, Рожков сочетает нарративную канву «русской школы» и значительно более жесткие оценочные суждения, что логично для историка-марксиста, особенно в свете недавно прошедших в России событий 1905–1907 гг. В Англии «сильная единая власть» была в интересах дворян, богатых купцов и фабрикантов, поэтому в XVI–XVII вв. она стала «почти совершенно самодержавной». Абсолютизм обогатил самых знатных и богатых, между тем как другие слои народа не могли этого достигнуть без политической свободы. Но король и знать не желали слышать ни о каких уступках. В результате – недовольство, усугубленное религиозным фактором и революция [там же: 28–32]. В Германии и Австрии отрицательно оцениваемому Рожковым абсолютизму положили конец революции 1848 года. До этого германские земли отличались не только экономически, но и разной степенью проводимых «сверху» реформ [там же: 202–205].

Апогеем же «королевского самодержавия» является Франция «старого порядка». Ее история излагается Рожковым в общем с либералами русле: короли победили феодалов, отняли у них права, ограничивающие королевскую власть, но оставили те, что обременяли народ [там же: 92]. Со временем «старый порядок» исчерпал себя, но дворянство и духовенство не хотели поступиться привилегиями, поэтому произошла революция [там же: 114]. Во Франции «король...был действительно самодержцем, совершенно неограниченным государем». При этом «французские короли были плохо образованны, их больше не жили и портили, чем учили, и к тому же они очень плохо знали жизнь и совсем не знали народа» [там же: 98, 100]. Политические структуры «старого порядка» выглядят почти карикатурно и по понятным причинам уподобляются российским. Королевский совет – бессильное учреждение при самодержавном короле. Губернаторы – из «обленившихся и изнеженных, не умевших и не желавших ничего делать» дворян. Назначаемые королем интенданты, подобно российским губернаторам, «совершали множество несправедливостей и насилий, и поэтому чаще всего население их ненавидело» [там же: 101–103]. Такие оценки французской монархии как отражение настроений в период первой россий-

ской революции были присущи и либералам. Так, Кареев отмечает, что в России крушение «старого порядка» началось в 1905 г. [Кареев 1908: 5], и что «французская революция и все за ней следующие вплоть до русской 1905 г. должны были создавать свободу там, где ее не было, где царил абсолютизм» [там же: 386]. Однако если либеральные оценки были сдержанны, то марксистские – обличающе-публицистичны.

Предрешенность Французской революции Рожков обосновывает и с либеральной, и с марксистской точки зрения. В первом случае повторяется тезис о пагубности сословных привилегий для общества, результатом чего были «большой произвол, крайние насилия и чрезвычайные несправедливости». Как марксист же Рожков считает, что «пока денежное хозяйство с обширным рынком еще только зарождалось и укреплялось, до тех пор сословность, королевское самодержавие и обширная власть чиновников были прочны, потому что все это было необходимо... Но в XVIII веке уже не приходилось создавать рынок – он был уже готов и прочен» [Рожков 1908: 105. В работе «От самовластия к народовластию...» либеральная сдержанно-негативная оценка «старого порядка» превратилась в резко обличительное «выставление счета» абсолютизму историком-марксистом. Здесь еще нет четко выраженной концепции «торгового капитала», но понятия «торговый капитализм» и «промышленный капитализм» уже присутствуют [там же: 127].

Еще более актуальной для российской аудитории была вышедшая в 1906 г. работа Н.А. Рожкова «Происхождение самодержавия в России». – здесь заложена основа концепции Рожкова: формирование самодержавия обусловлено развитием дворянского землевладения в условиях перехода к денежному хозяйству. При этом Рожков отвергает тезис о приоритете войн и внешней политики для становления самодержавия в России, чем отмежевывается от историков государственной школы [Волобуев 2010: 8-9]. Интерес представляет исследование влияния разных научных школ на автора «Происхождения самодержавия...», считавшего себя марксистом. Однако ссылок на марксистскую литературу Рожков не дает, хотя, например, М.Н. Покровский тогда уже написал свою «Русскую историю с древнейших времен». Работа начинается обращением к идеям Н.М. Коркунова и Г. Еллинека – юристам, историкам права, позитивистам и либералам. И вместе с этим, очевидно сильное влияние А.А. Богданова, чей «Краткий курс экономической науки» к тому времени уже был неоднократно издан.

Указывая на обусловленность институтов власти экономическими факторами, Рожков отмечает специфику России. Обилие земли на обширной территории привело к тому, что потребности в регламентации землепользования не возникало до XII в., и, по мнению Рожкова, «ни классового, ни сословного расчленения общества в сущности совершенно не было» [Рожков 1906: 5-6]. Поворотным моментом развития

северо-востока Руси Рожков считает развитие торговли. В руках бояр и монастырей, занимавшихся ею, оказались значительные капиталы. Это привело к перераспределению земель в боярское и монастырское владение, и в XIII–XV вв. сформировались вотчинные порядки, когда «в социальных отношениях главную роль играла неразлучность политических прав с правом собственности на землю» [там же: 22].

Расценивая применительно к Европе это явление как феодализм, Рожков отрицает существование феодальных отношений в удельной Руси, признавая только их элементы. Спецификой русских земель была неразвитость суверенных прав князей. Основываясь на правовых критериях феодализма, автор поясняет: «Даже служебные князья (находившиеся на службе у Московского князя – *Л.Л.*) ...не обладали полной суверенных прав: монета чеканилась не ими, а удельным самостоятельным князем, и, кроме того, у них не было права войны, иностранных сношений, права на непреременное участие в законодательных съездах и суда пэров, а между тем все эти права считаются непреременной принадлежностью феодального порядка в развитом виде [там же: 21].

Особенности имела и торговля на русских землях. Обширные равнины, продолжительный снеговой покров, множество рек позволяли создавать рынки не в 10-15 верстах в окружности, как в Европе, а сразу в 200-500. Россия, считает Рожков, по сути, пропустила этап локальных рынков и сразу перешла к рынку, называемому им, вслед за немецким экономистом К. Бюхером, народным [там же: 45–46]. Этот рывок, резкий экономический перелом, привел к несоответствию старой юридической базы новым условиям и к тяжелому кризису последней трети XVI – 40-х гг. XVII вв. Выход из кризиса был в приспособлении хозяйства к новым условиям обширного рынка. Эту задачу призваны были решать средние и мелкие дворяне-землевладельцы и городские торговцы-скупщики, ориентированные на рынок. В социальной области их интересы обеспечивались самодержавием, сословностью и крепостным правом. На протяжении XVI-XVII вв. происходила замена поместья вотчиной. Поместье, жалуемое за службу, было владением условным, неотчуждаемым, а денежное хозяйство требовало свободного распоряжения землей. В свою очередь, ориентация поместья на рынок приводила к расширению барской запашки, увеличению барщины и необходимости прикрепления рабочих рук к земле [там же: 49–54, 57–62].

Считая себя марксистом, Рожков, пришел к выводам государственной школы о «закрепощения сословий», что будет поставлено ему в вину советскими историками. Он утверждал, что крепостное право, гарантирующее наличие рабочей силы в поместьях, необходимое средство для эффективного хозяйства. Оно выгодно и для помещика, и для крестьянина, который в случае нужды мог обратиться к землевладельцу за помощью [там же: 57–63]. Процесс «закрепощения сословий» Рож-

ков объясняет необходимостью рывка для перехода от натурального хозяйства к денежному с обширным рынком. Русское общество XVI–XVII вв. «сомкнулось в крепостные сословия, в среде которых перевес принадлежал дворянству» [там же: 205].

Государством, которое соответствовало этим реалиям, была самодержавная монархия. Она сформировалась в политической борьбе, где противостояли, с одной стороны – бояре, думная аристократия, с другой – среднее и мелкое провинциальное дворянство, посадские люди и зажиточные крестьяне [там же: 185]. История России от Ивана Грозного до Алексея Михайловича изложена Рожковым сквозь призму этой борьбы, закончившейся победой дворянства. Он указывает на момент, когда завершилось становление самодержавия, и московское правительство «окончательно вступило на путь абсолютизма». Это 1653 г., когда был созван последний Земский собор. А когда в 1662 г. посадские люди Москвы выступили и заявили царю, что полезно было бы созвать Земский собор, власть проигнорировала это пожелание. То, что самодержавие в России оказалось сильнее, чем на Западе, Рожков объясняет рывком второй половины XVI – начала XVII в. от натурального хозяйства к денежному с обширным рынком [там же: 208–209].

Таким образом, концепция Рожкова, развитая им в последующих работах и неоднократно критикуемая советскими историками, была сочетанием идей государственной школы и марксизма с выраженным экономическим монизмом. При этом Рожков применяет понятия «самодержавие» и «абсолютизм», не объясняя, чем первое отличается от второго. Однако по контексту видно, что гранью между ними выступает прекращение созыва Земских соборов.

В сентябре 1922 г., во время кампании по высылке интеллигенции, Рожков был арестован и пробыл в тюрьме до января 1923 г. После четырех обсуждений в ЦК РКП (б), в декабре 1922 г. было принято решение выслать его в Псков [Волобуев 2010: 37]. Такими были условия переиздания в 1923 г. «Происхождения самодержавия в России». Рожков писал в предисловии: «Во втором издании не сделано сколько-нибудь существенных изменений: прибавлены лишь некоторые отдельные замечания и сделаны некоторые новые ссылки» [Рожков 2010: 212]. Действительно, в концептуальном плане работа не изменилась. Новыми же были ссылки на «Русскую историю с древнейших времен до смутного времени» М.Н. Покровского. В условиях угрозы высылки это было для Рожкова самозащитой. Однако он обратился к работе лидера исторической науки СССР лишь дважды. Первое замечание, где речь шла о Василии Шуйском, было уточнением. Рожков, считавший этого царя удобным лишь боярской олигархии, дополнил это утверждение, сославшись на Покровского, тем, что Шуйского поддерживали и богатые купцы, а сам он пытался связаться с дворянством [там же: 401].

Второе замечание, более красноречивое, касалось последствий Смуты. По мнению Рожкова, от нее максимально пострадали средние слои населения – дворянство, посадские люди, богатые крестьяне, духовенство, и в их интересах были восстановление денежного хозяйства, утверждение крепостного строя, уничтожение боярской олигархии. Далее Рожков добавляет слова Покровского (выделено курсивом – Л.Л.): «Восстановление порядка было для них насущной потребностью, тем более, что польское дворянство в отрядах Сапеги, Лисовского, Рожанского направляло все усилия к истреблению дворянства русско-го» [там же: 405]. Эти слова Покровского, приуроченные к завершению советско-польской войны и тяжелым условиям Рижского мира 1921 г. и повторенные Рожковым, попали на острие политической конъюнктуры.

Максимального развития концепция Н.А. Рожкова достигла «Русской истории в сравнительно-историческом освещении...», второе издание которой вышло в 1928 г., уже после смерти автора. Рожков предложил системное изложение всемирной истории, охватив не только разнообразие цивилизаций, но разнообразие их структур – от экономики до типов личности. Тем не менее, основа «Русской истории...» – социологическая схема, с упрощением материала и слабой базой источников, на что указывалось как при выходе «Русской истории» [Сидоров 1929: 184–185], так и в наши дни [Волобуев 2009: 129]. Количество исторических периодов изменяется от девяти в начале работы до 15-ти в конце [ср.: Рожков 1928. Т. 1: 21–22 и Т. 12: 386].

Абсолютизм, или, по Рожкову, королевское самодержавие – это форма государственного устройства, соответствующая торговому капитализму в XV–XVIII вв. Период торгового капитализма, в свою очередь, состоит из двух этапов – дворянской революции (критический период) и старого порядка (органический период). Последний сменяется критическим периодом буржуазно-демократической революции и гибелью абсолютизма [там же: 369–375]. Сущность дворянской революции – в переходе власти из рук старой феодальной аристократии, приспособленной к натуральному или рассчитанному на узкий рынок хозяйству, в руки нового землевладельческого дворянства, приспособленного к национальному и международному рынку. В хозяйственной сфере дворянская революция означает победу торгового капитализма. В области политической она «ознаменовывает образование монархического самодержавия (абсолютизма) и бюрократии». В социальной сфере – характеризуется «господством сословности и преобладанием землевладельческого дворянства и крупной торговой и ростовщической, отчасти также промышленной – буржуазии» [там же: 369–370].

Критический период дворянской революции сменяется органическим – старым порядком (у Рожкова это словосочетание без кавычек). Данная им характеристика «старого порядка» как дворянского государ-

ства сохранится на многие десятилетия. Еще в 1928 г. Н.А. Рожков писал: «Государственный строй покоится на самодержавии и бюрократии, действующих посредством правильно и стройно организованных учреждений и провозглашающих основной целью государственного союза общее благо, которое фактически сводится к благу *господствующего сословия – дворянства, в особенности его основного ядра – класса дворян–землевладельцев*» [там же: 373]. Крушение старого порядка, «упадочного» в конце своего существования, обусловлено переходом к новому периоду – производственному капитализму и господству буржуазии, что реализуется путем буржуазных революций.

Нарратив Рожкова, источниками которого послужила историографическая классика – от Гизо, Ранке, Гардинера до Кареева и Ковалевского, не содержит каких-либо сюжетных открытий, а схематизм изложения приводит к написанию исторического полотна «широкими мазками». В центре внимания – экономика, эволюция власти дана в общих чертах, а внешняя политика вытеснена на периферию как фон для расширения рынков торгового капитала. Абсолютная монархия включена в общеисторическую панораму, созданную на основе сравнительного метода. Однако часто применяемое Рожковым слово «отсталость» не только несет негативную коннотацию, но и нуждается в уточнении, ведь отсталостью именуется то, что не соответствует некоему образцу.

Так, Англия, несомненно, страна передовая. В ней дворянская революция «совершилась и закончилась... и легче, и быстрее, и удачнее, чем во многих иных местах» [там же, т. 6: 151]. С другой стороны, «экономически передовая» в XV–XVI вв. Италия, где зародился европейский капитализм и абсолютная власть итальянских правителей, объявляется Рожковым отсталой, так как в Италии не было создано единое государство [там же: 45–46]. Германские земли с развитыми мануфактурами и торговлей по этой причине также отсталые [там же: 82–83].

Во Франции, классической стране «старого порядка» формой политической власти выступает королевское самодержавие, служившее интересам дворянства. Оно окончательно утвердилось при Генрихе IV и Людовике XIII и получило выражение в словах Людовика XIV «Государство – это я!» [Рожков 1928. Т. 7: 183–184]. Нужно отметить, что психологические характеристики правящей элиты у Рожкова минимальны, но в отношении «короля-Солнца» сделано исключение. Король показан как воплощение французского дворянства: «Старое приобетательство, эгоистическая жадность, заставлявшая Людовика XIV возвращаться теоретически к традициям вотчинной монархии... сочеталась у него с крайним индивидуализмом, с обожествлением своей личности и своего положения, с чрезвычайно сильной любовью к славе... составлявшими, с его точки зрения, необходимую рамку... для самодержавной власти» [там же: 190–191].

По сравнению с властью «короля-Солнца», английский «старый порядок» Стюартов – явление условное. Он не был так прочен, не был настолько выражен, не был так длителен. Наконец, «все почти время своего существования он находился уже в состоянии... частичного, а потом и полного разложения» [там же: 203]. В политически разрозненных германских землях, где преобладало крепостное право, «дворянский абсолютизм» был «запоздалым явлением по сравнению с абсолютизмом французским и особенно английским» [там же: 208, 210, 212]. В силу этого он приобрел оригинальные черты: речь идет о просвещенном абсолютизме и реформах «сверху». Это было политикой разумного консерватизма, направленной к охране существующего строя путем удаления крайних его злоупотреблений [там же: 210]. Реформы приводили административный и хозяйственный аппарат в соответствие с экономической основой, абсолютизм и меркантилизм равнялись по торговому капитализму, и старый порядок упрочивался [там же: 227].

Социологическое построение Рожкова, основанное на аналогии и стадильной асинхронности, включает в число стран дворянской революции и старого порядка Древний Египет, эллинистические монархии, Рим первых веков нашей эры. Египет Нового царства охарактеризован как переживший дворянскую революцию в связи со значительным расширением торговли и внешней экспансией фараонов с целью захвата новых территорий для развития торгового капитализма [Т. 6: 199]. Подобные выводы оставляют вопросы. Так, Рожков утверждает: «и в Египте, и в эллинистическом мире, и в Римской империи крепостнические (рабские) порядки были сильнее, чем во Франции (? – Л.Л.), и этим отклоняли их в сторону *более отсталых стран* (?)» [Т. 7: 272].

В сравнительной характеристике России идея Рожкова о колонизации огромных территорий, устойчивости традиционных хозяйственных отношений и неразвитости феодальных институтов была сохранена [Рожков 1928. Т. 2: 286–287], как и тезис о том, что зарождение российского самодержавия было обусловлено формированием национального и международного рынка. Соответственно, дворянская революция в России – это период рывка в формировании денежного хозяйства, связанный с возникновением самодержавия, Рожков выделяет в ней три момента. Первый, начальный – вторая половина XVI в., царствование Ивана Грозного; второй, промежуточный – Смутное время и его последствия в первой половине XVII в.; третий – вторая половина XVII в. и реформы Петра Великого в первой четверти XVIII в. Задача дворянской революции – перестроить общество и государство в соответствии с новым хозяйственным базисом, т.е. «выдвинуть на первый план дворянство вместо боярства и приспособить организацию труда к новым хозяйственным условиям... положить основы самодержавия и бюрократии» [Рожков 1928. Т. 5: 270]. В понимании Рожковым петров-

ской эпохи соединились теории «закрепощения сословий» и теория «торгового капитала», и первая из них была неприемлема в советской историографии. У Рожкова же это звучит так: «...России и ее правящему классу необходимо было сделать колоссальные усилия... чтобы от *отсталого, недоразвитого феодализма* (курсив мой. – Л.Л.) перейти к торговому капитализму. *Только крепостной строй помог справиться с этой задачей.* Дворянство оказалось достаточно зрелым для того, чтобы, закрепощая в своих интересах и в интересах строящейся дворянской государственности другие сословия, закрепить и себя временно (имеется в виду обязательная служба – Л.Л.)» [там же: 162].

Критический период дворянской революции сменился органическим периодом господства дворянства – старым порядком. В России это 1725–1855 гг., и последние пятьдесят лет – период разложения «старого порядка» [Рожков 1928. Т. 7: 5]. Форма государственного управления этой эпохи – самодержавие, единоличная власть монарха [там же: 91]. При этом важно различать самодержавие, служащее интересам дворянства, и личное самовластие. Последнее дворянством пресекается, что показал пример Павла I [там же: 112]. Интерпретация Рожковым российского «старого порядка» может претендовать на известную методологическую универсальность, судя по количеству тезисов, приемлемых для историков разных направлений. Гораздо более показательна трактовка Рожковым других аспектов российской монархии. Например, когда закончился российский «старый порядок»? Конечной датой выступает 1855 г., но Февральская революция, свергнувшая его, произошла в 1917 г. [Т. 12: 274]. Налицо небрежность в периодизации, хотя по контексту ясно, что более полувека перед Февральской революцией – это тоже старый порядок, но периода упадка.

Работая в СССР, Рожков мог характеризовать российскую монархию и ее реформы «сверху» только в негативном плане. Эпоха Александра I – это надлом старого порядка [Т. 10: 40], завершившийся, несмотря на реформы, кризисом. В николаевскую эпоху власть стремилась «произвести только частичные технические поправки и поделки в государственном строе, не меняя основных его принципов и устоев...» [там же: 193]. Символом и типичным представителем этого дворянства был сам император. Для Рожкова Николай I был такой же масштабной фигурой, как и Людовик XIV, с той лишь разницей, что русский царь был воплощением кризиса и косности монархии, в отличие от «короля – Солнца», олицетворявшего расцвет абсолютизма. Николай I – символ охранительства. Признавая его по-своему цельной и яркой личностью [там же: 218], Рожков сводит мотивы его деятельности к инстинкту самосохранения и страху перед революцией. Отмена крепостного права укрепила старый порядок – были сделаны некоторые уступки и дана новая пища царистским иллюзиям крестьянства.

Получивший простор для развития капитализм вносил разложение в сословное общество [Т. 12: 378]. Как на это реагировало государство? Рожков считает, что «старорежимный абсолютизм имел все данные для своего существования» [там же: 263]. Обращает на себя внимание появление термина *абсолютизм* вместо *самодержавие*, причем с выраженной негативной коннотацией. Дискурс автора передает отношение советской историографии к свергнутой монархии: в пореформенной России «львиная доля власти принадлежала по-прежнему крупноземлевладельческому, полукрепостническому дворянству (здесь и далее курсив мой. – Л.Л.), которое лишь частично и медленно перерождалось в производственно-капиталистическую буржуазию...» [там же: 266]. Среди Романовых два монарха привлекли особое внимание Рожкова: Николай I и Николай II. Олицетворением «вырождения и упадка» старого порядка, «декаданса реакции» выступает последний самодержец. Возможно, Рожков создал образы «двух Николаев» для контрастного сопоставления: Николай I символизирует силу государственного консерватизма, а Николай II – бессилие власти [там же: 299–302].

Причину революции 1905–1907 гг. Рожков видит в полумерах реформы 19 февраля 1861 г. [там же: 378]. Как марксист, он обесценивает итог революции, считая, что она окончилась крушением [там же: 137]. Он называет Манифест 17 Октября «октябрьской полупобедой», считая, что старый порядок устоял [там же: 152]. В этом отличие его оценки от оценки либералов. Например, Н.И. Кареев считал, что в России крушение «старого порядка» началось в 1905 г. [Кареев 1908: 5].

Глубинной причиной Февральской революции 1917 г., в которой участвовали «в той или иной мере все сколько-нибудь жизнеспособные классы общества», Рожков считал объективную экономическую необходимость: «старый режим не создал ни культурного, ни самостоятельного народного хозяйства России». Условия развития российской государственности изначально были тяжелые: с одной стороны – «нигде феодализм не был столь отсталым» [Т. 7: 270-274], с другой – Россия должна была преодолевать отсталость от передовых стран Запада [Т. 12: 394], и достигнуть этого можно было лишь путем рывков и напряжения.

В чем причина устойчивости российского самодержавия? Русский старый порядок имел возможность «снять сливки с приобретений европейского запада... в техническом смысле, без нарушения... фундаментальных устоев» [Т. 7: 271]. Отсюда его гибкость, приспособляемость и длительность. Сообразны с большей силой, необходимой для «гигантского прыжка от натурального хозяйства прямо к торговому капитализму» были и «политические меры самозащиты старого порядка» [Т. 10: 381]. Подводя итог, Рожков подчеркивает сохранение в условиях СССР идеи преодоления отсталости России от Запада. В 1920-х гг. это звучало актуально и было своего рода идейным напутствием [Т. 12: 394].

3 февраля 1928 г. на заседании Института истории РАНИОН, посвященном памяти Рожкова, был сделан вывод: марксизм Рожкова – не революционный, а «легальный». Ему были приписаны психологизм, махизм, эклектизм, недialeктичность, враждебные «подлинному марксизму». Его классовая позиция была расценена как позиция мелкобуржуазного идеолога капиталистического пути развития России [Сидоров 1998: 119–120]. В тех идеологических условиях иначе и быть не могло – ввиду ряд расхождений его концепции с официальной версией исторического процесса. Ситуацию усложняли разногласия с Лениным в вопросах развития Советской России и универсальное обвинение после разгрома «школы Покровского»: «вслед за струвизмом и богдановщиной Рожков развивает теорию торгового капитализма» [Рубинштейн 2008: 644].

Сегодня работы Рожкова – историографический источник и свидетельство эпохи, а также яркий пример методологического синтеза, показатель уровня знаний и дискурса историка в условиях теоретических поисков и социальных потрясений начала XX в. Советская историография называла Рожкова эклектиком, но сама формировалась в условиях селективного отбора и синтеза. Свободное от идеологических ограничений осмысление созданного Рожковым приводит к пониманию ценности его компаративного подхода и системного видения. Наконец, возможно, что возвращение в российскую историографию «в той или иной форме теории торгового капитала – это только вопрос времени»³.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андреева И.А. Историческая концепция Н.А. Рожкова: автореф. ... канд. ист. наук. Екатеринбург. 1995. 20 с. [Andreeva I.A. Istoricheskaya koncepciya N.A. Rozhkova: avtoref... kand. ist. nauk. Ekaterinburg. 1995. 20 s.]
- Ардашев П.Н. Абсолютная монархия на Западе. СПб., 1902. 183 с. [Ardashev P.N. Absolyutnaya monarhiya na Zapade. SPb., 1902. 183 s.]
- Волобуев О.В. Николай Александрович Рожков // Н.А. Рожков. Избранные труды / Сост., вступ. ст. О.В. Волобуев, сост, коммент. А.Ю. Морозов. М.: РОССПЭН. 2010. С. 5–50 [Volobuev O.V. Nikolaj Aleksandrovich Rozhkov // N.A. Rozhkov. Izbrannye trudy / Sost., vstup. st. O.V. Volobuev, sost, komment. A.Yu. Morozov. M.: ROSSPEN. 2010. S. 5–50]
- Волобуев О.В. Н.А. Рожков – историк и общественный деятель. М.: Собрание, 2012. 320 с. [Volobuev O.V. N.A. Rozhkov – istorik i obshchestvennyy deyatel'. M.: Sobranie, 2012]
- Волобуев О.В. Феодалная революция в трактовке Н.А. Рожкова // Вестник Московского государственного областного университета: Серия: История и политические науки. 2009. № 4. С. 124–130 [Volobuev O.V. Feodal'naya revolyuciya v traktovke N.A. Rozhkova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta: Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2009. № 4. S. 124–130.]
- Володьков О.В. Проблемы торгового капитализма в работах М.Н. Покровского конца 1890-х – 1917 гг.: дисс. к.и.н. Омск. 2002. 338 с. [Volod'kov O.V. Problemy torgovogo kapitalizma v rabotah M.N. Pokrovskogo konca 1890 – 1917 gg.: diss... Омск. 2002. 338 s.]
- Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков. Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка». СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1908. 452 с. [Kareev N.I. Zapadnoevropejskaya

³ Волобуев 2012: 301. В подтверждение см., напр., диссертацию: Володьков 2002.

- absolyutnaya monarhiya XVI, XVII i XVIII vekov. Obshchaya charakteristika byurokraticeskogo gosudarstva i soslovnogo obshchestva «starogo poryadka». SPb., 1908. 452 s.]
- Очерки истории исторической науки в СССР [в 5 т.] / Под ред. М.В. Нечкиной. М.: Изд-во АН СССР. 1955–1985. Т. 4. 1966. 853 с. [Oчерki istorii istoricheskoy nauki v SSSR [v 5 t.] / Pod red. M.V. Nechkinoy. M.: Izd-vo AN SSSR. 1955–1985. T. 4. 1966. 853 s.]
- Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV – начало XVII в. Укрепление русского централизованного государства (конец XV – начало XVI в.). Крестьянская война и борьба русского народа против иностранной интервенции в начале XVII в.) / Под ред. А.Н. Насонова. М.: Изд-во АН СССР. 1955. 960 с. [Oчерki istorii SSSR. Period feodalizma. Konec XV – nachalo XVII v. Ukreplenie russkogo centralizovannogo gosudarstva (konec XV – nachalo XVI v.) Krest'yanskaya vojna i bor'ba russkogo naroda protiv inostrannoy intervencii v nachale XVII v.) / Pod red. A.N. Nasonova. M.: Izd-vo AN SSSR. 1955. 960 s.]
- Рожков Н.А. От самовластия к народовластию. Очерк из истории Англии, Франции и Германии. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой. 1908. 248 с. [Rozhkov N.A. Ot samovlastiya k narodovlastiyu. Oчерk iz istorii Anglii, Francii i Germanii. SPb.: Izd-vo O.N. Popovoy. 1908. 248 s.]
- Рожков Н.А. Происхождение самодержавия в России. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1906. 213 с. [Rozhkov N.A. Proiskhozhdenie samoderzhaviya v Rossii. M.: Tip. A.I. Mamontova, 1906]
- Рожков Н.А. Происхождение самодержавия в России // Избр. труды. 2010. С. 211–419. [Rozhkov N.A. Proiskhozhdenie samoderzhaviya v Rossii // Izbr. trudy. 2010. S. 211–419]
- Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики): в 12 т. 2-е изд. М.-Л.: Книга, 1928. [Rozhkov N.A. Russkaya istoriya v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii (Osnovy social'noj dinamiki): v 12 t. 2-e izd. M.-L.: Kniga, 1928.]
- Рубинштейн Н.Л. Русская историография / Под. ред. А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, М.В. Мандрик. СПб.: Изд-во Петерб. ун-та. 2008. 938 с. [Rubinshtejn N.L. Russkaya istoriografiya / Pod. red. A.Yu. Dvornichenko, Yu.V. Krivosheeva, M.V. Mandrik. SPb.: Izd-vo Peterb. un-ta. 2008. 938 s.]
- Сидоров А.Л. Исторические взгляды Н.А. Рожкова: К выходу нового издания 12 томов «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» // Историк-марксист. 1929. № 13. С. 184–220. [Sidorov A.L. Istoricheskie vzglyady N.A. Rozhkova: K vyhodu novogo izdaniya 12 tomov «Russkoj istorii v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii» // Istorik-marksist. 1929. № 13. S. 184–220]
- Сидоров А.В. Марксистская историографическая мысль 20-х годов. М.: Унив. гуманист. лицей. Симферополь: Таврия. 1998. 229 с. [Sidorov A.V. Marksistskaya istoriograficheskaya mysl' 20-h godov. M.: Univ. gumanit. licej. Simferopol': Tavriya. 1998. 229 s.]
- Тарле Е.В. Очередная задача // Анналы. 1922. № 1. С. 5–20 [Tarle E.V. Oчерednaya zadacha // Annaly. 1922. № 1. S. 5–20]

Ландина Лариса Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет культуры и искусств (Минск); larisa-hist@mail.ru

Problem of absolutism in N.A. Rozhkov's conception as a reflection of the methodical transformation of the Russian historiography in the early 20th c.

The article is devoted to the methodological analysis of N.A. Rozhkov's interpretations of Western European and Russian absolutisms. By revealing various conceptual components in Rozhkov's interpretation, methodological search in Russian historiography of the early 20th century is demonstrated, as well as the author's reception of various theoretical approaches and the degree of their acceptability by Soviet historians.

Keywords: N.A. Rozhkov, positivism, Marxism, Russian historiography, methodology, absolutism, autocracy

Larisa Landina, Ph. D. in History, Associate Professor, Belorussian State University of Culture and Arts; larisa-hist@mail.ru